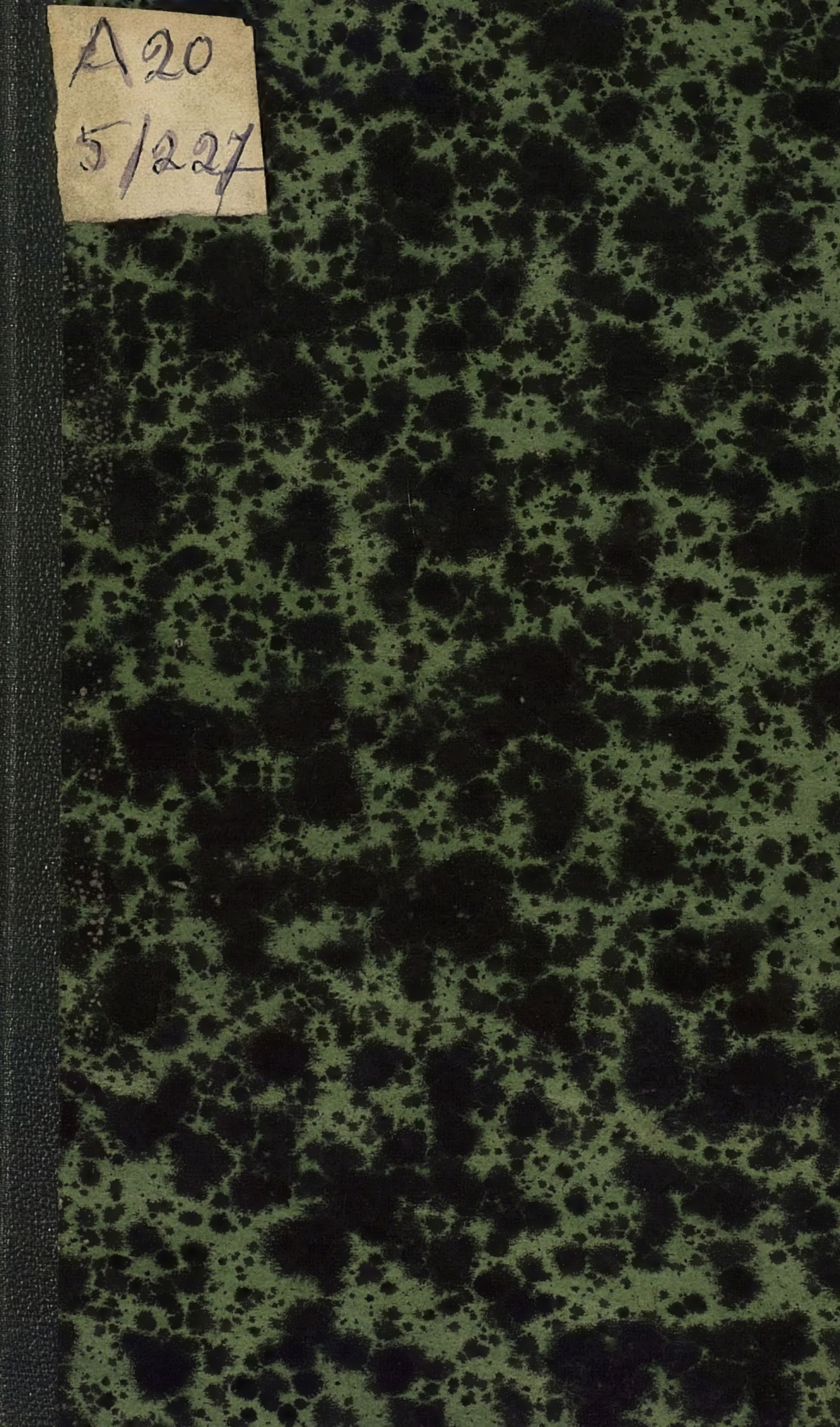

A 20
5/227

ВОЗРАЖЕНІЕ

НА ОТВѢТЪ

Г. МАНЬЕ

НА ЗАМѢЧАНІЯ

ОФИЦЕРА РОССІЙСКАГО ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА,

О ПОСЛѢДНЕЙ

ТУРЕЦКОЙ КОМПАНІИ

сочиненіе

Я. Толстаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Н. Греча.
1829.

Возражение на отвѣтъ Г. Манье на замѣчанія офицера Россійскаго Генеральнаго Штаба, о послѣдней Турецкой кампаніи, соч. Я. Толстаго. (Replique à la reponse de M. Magnier, aux observations d'un officier d'Etat-Major Russe, sur la dernière campagne de Turquie, par. J. Tolstoy, ancien officier d'Etat-Major Russe. Paris, 1829 (*).

Довольно извѣстное изрѣченіе, которымъ начинается отвѣтъ на *Замѣчанія Офицера Россійскаго Генеральнаго Штаба*, есть одна изъ тѣхъ простонародныхъ поговорокъ, которыя можно ко всему примѣнить; — я ни мало не затрудняюсь отнести ее и къ самому Г. Манье.

(*) Нѣкто, Г. Манье, отставной Французскій офицеръ, бывшій въ плѣну въ Россіи, написалъ возраженіе на Обозрѣніе кампаніи 1828 года, напечатанное въ 1-й и 2-й книжкахъ Сына Отечества и Сѣвернаго Архива нынѣшняго года. Живущій въ Парижѣ соотечественникъ нашъ, Яковъ Николаевичъ Толстой, издалъ замѣчанія на сіе возраженіе, на Французскомъ языкѣ. Помѣщаемъ доставленный намъ переводъ статьи Я. Н. Т., радуясь, что у насъ есть въ чужихъ краяхъ усердный и искусный защитникъ отъ нападеній злобы и зависти. *Изд.*

„*Всякъ проповѣдуетъ за своего святаго*," говоритъ онъ весьма краснорѣчиво, и я отъ всего сердца тому вѣрю; но для меня трудно будетъ отгадать святаго, который одушевилъ ревніемъ Сочинителя отвѣта: не святой ли Магометъ? Я бы желалъ въ томъ усомниться; но, читая книжку Г. Манье, всякъ, кажется, убѣдится, подобно мнѣ, что онъ проповѣдуетъ за творца Корана.

Что до меня касается, то я объявляю, что проповѣдую за *святую Истину*; по крайней мѣрѣ таково мое намѣреніе, ибо кто не подверженъ заблужденію? И я первый сознаюсь въ погрѣшностяхъ, которыя могу сдѣлать и которыя мнѣ будутъ доказаны.

Сверхъ того долженъ я объявить, что Сочинитель *Замѣчаній* о послѣдней Турецкой кампаніи мнѣ отнюдь неизвѣстенъ; я видѣлъ въ его книжкѣ праводушіе, безъ всякаго *хвастовства*, и потому рѣшился написать нѣсколько словъ, чтобъ обличить несправедливыя противъ него обвиненія Г. Манье. Я тѣмъ болѣе почелъ себя къ тому обязаннымъ, что я самъ Русскій, и что сего офицера нѣтъ въ Парижѣ; по крайней мѣрѣ такъ я думаю.

Признаюсь также, что я не буду въ состоянiи опровергнуть всѣ показанiя Г. Манье, не зная подробно обстоятельствъ дѣла: ибо не имѣю достаточныхъ данныхъ о сей послѣдней кампанiи, душевно сожалѣя, что не участвовалъ въ оной, не смотря на неудачи, кои за удовольствiе поставляютъ приписывать нашимъ войскамъ.

И такъ, стану разсматривать сiю книжку не столько въ отношенiи къ самымъ происшествiямъ, сколько въ отношенiи къ сужденiямъ объ оныхъ.

Я самъ, подобно Сочинителю отвѣта, старый служивый, офицеръ съ 1808 году, участвовалъ въ войнѣ 1812 г. и слѣдующихъ, и почитаю себя въ правѣ и даже въ обязанности защитить прежнихъ моихъ сослуживцевъ; сожалѣю только, что не могу довольно основываться на подробностяхъ военныхъ дѣйствiй, происходившихъ въ сiю кампанiю, которыя впрочемъ столь же мало извѣстны и Г-ну Манье.

Если мы хотимъ критически разсматривать кампанiю, которую называютъ *неудачною*, то о дѣйствiяхъ и о послѣдствiяхъ оной должны судить, не ограничиваясь въ толкованiяхъ своихъ одними предположенiями; въ противномъ случаѣ весьма легко было бы охуждать самыя

блистательныя кампаніи знаменитѣйшихъ полководцевъ. Г-нъ Манье излагаетъ всѣ увѣренія свои слѣдующимъ образомъ:

„Если бъ Турки вышли изъ Никополя" и проч. (стр. 9).

„Я *предполагаю*, что крѣпости стали бы защищаться, и проч. (стр. 12).

„Что бы могло произойти въ сію кампанію, *если бъ* Турецкіе полководцы лучше расчитывали, и проч. (стр. 12).

„*Если бъ* войска Гуссейна-Паши пресѣкли всѣ сообщенія, и проч. (стр. 13).

„*Если бъ*, вмѣсто того, чтобъ имъ ожидать, пока двѣ колонны Русской пѣхоты дойдутъ до нихъ, чтобъ отступить, — они бросились толпой на два дивизіона кавалеріи, и проч. (стр. 15).

„*Если бъ* Турки лучше знали положеніе своихъ непріятелей, то могли бы совершенно разбить Русскую армію. (стр. 16).

„*Если бъ* Турки хорошо знали войну партизанскую, что бы произошло съ обозами?" И далѣе, на той же страницѣ: „*Предположимъ*, что одинъ изъ сихъ обозовъ былъ бы разбитъ: что было бы тогда съ Русскою арміею?"

Но я не хочу долѣе утомлять читателя подобными выписками, и остановясь

на 16-й страницѣ, предлагаю прочесть сію книжку: онъ убѣдится, что всѣ умствованія Г. Манье основаны на *условіяхъ* и на *предположеніяхъ*.

Возвратимся къ началу сего сочиненія. Авторъ говоритъ такъ:

„Намѣреніе Россійскаго Правительства итти прямо въ Константинополь, *который для насъ именуетъ оно Византіею*, дабы мы лучше знали, что это такое, — было столь положительно, что во всѣхъ письмахъ, полученныхъ изъ Россіи во Франціи въ началѣ кампаніи,“ и проч. Прежде всего спрошу у Г. Манье, есть ли какой нибудь актъ со стороны Россійскаго Правительства, въ которомъ оно объявляло бы о намѣреніи своемъ итти въ Константинополь? Онъ долженствовалъ бы имѣть сей актъ, ибо такъ остроумно забавляется надъ именемъ Византіи, употребленномъ вмѣсто Константинополя; что же касается до меня, то я никогда не видалъ сего акта и даже не слыхалъ о немъ. Я самъ получилъ не мало писемъ изъ своего отечества, но въ нихъ ни слова не было сказано о намѣреніи — поспѣшно итти въ Константинополь. Правда, въ Парижѣ вѣрили сему предположенію друзья образованности: война съ Турціею становилась, по

ихъ мнѣнію, войною Европейскою; о военныхъ извѣстіяхъ провозглашали на улицахъ сей столицы, и здравомыслящая часть Французскаго народа желала успѣховъ нашему оружію. Но непріязненная Россіи сторона въ молчаніи дѣйствовала скрытнымъ образомъ, и доставляла намъ Журналы, наполненные извѣстіями, обезображенными вліяніемъ Турколюбцевъ, чѣмъ, къ великому нашему прискорбію, и отличные люди мало по-малу введены были въ заблужденіе.

Сіи ложныя извѣстія и толки были сѣти, которыя ставили врагамъ Вандализма люди, взиравшіе завистливымъ окомъ на успѣхи Россіи: должно согласиться, что они, къ нашему удивленію, совершенно въ томъ успѣли.

Извѣстно только то, что Россійскій Императоръ, при отъѣздѣ въ армію, отдалъ полкамъ Гвардіи, долженствовавшимъ выступить въ походъ, приказъ, въ которомъ сказано, что кампанія можетъ быть продолжительна и кончиться не прежде, какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ. Извѣстно также и можетъ служить подтвержденіемъ сего перваго замѣчанія, что когда, въ началѣ кампаніи, предлагали Французскимъ медикамъ вступить въ службу въ Русской

арміи, то заключали контракт на три года.

„Что касается до справедливости сей „войны, продолжает Сочинитель, никто „оной не чувствуетъ; о необходимости же „смѣшно и говорить.“

Справедливость сдѣлается очевидною, если вспомнимъ, что Порта отказывалась исполнить статьи трактата Бухарестскаго, подтвержденнаго переговорами въ Акерманѣ, и если вообразимъ долготерпѣніе Императора Александра. Неужели Россія поступила несправедливо, требуя удовлетворенія за оскорбленія, нанесенныя ей Портою и отмщая за нарушеніе договоровъ? Могла ли она равнодушно смотрѣть на остановку торговли своей въ полуденныхъ губерніяхъ? Если всѣ сіи уваженія не кажутся еще Г-ну Манье достаточными, то прошу его указать мнѣ на какую-нибудь войну, предпринятую по причинамъ справедливѣйшимъ.

Необходимость сей войны возбуждаетъ веселое расположеніе въ Г. Манье: онъ говоритъ въ концѣ своей книжки: *„Рускіе еще необразованнѣе Турокъ.“* По крайней мѣрѣ я предполагаю, что это единственная причина, которую можетъ представить Сочинитель, въ оправданіе

предпочтенія, оказываемаго имъ Турціи предъ Россіею.

Нельзя не подивиться такимъ толкамъ въ XIX вѣкѣ! И не позволительно ли видѣть въ Сочинителѣ, съ довольною въ нѣкоторомъ отношеніи справедливостію, врага благодѣяній, происходящихъ отъ образованности? — Россійскій Императоръ предпринялъ сію войну за дѣло святое. Онъ объявилъ предъ цѣлымъ Свѣтомъ, что не намѣренъ распространять своихъ предѣловъ: сей Монархъ никогда не нарушитъ своихъ обѣщаній, и не расторгнетъ мира съ прочими Европейскими Государствами. Друзья мрака притворяются, будто не вѣрятъ сему объявленію; они употребляютъ всѣ силы, чтобъ защитить права Турокъ, ободряютъ, вооружаютъ, хотятъ обучить войска Махмуда. Г. Манье, котораго не хотѣлось бы мнѣ поставить въ число сихъ фанатиковъ, (полагаю, что онъ впалъ въ заблужденіе по чувству благороднѣйшему) — дѣлаетъ однако въ концѣ своей книжки воззваніе, приглашая воиновъ различныхъ странъ Европы увеличить ряды войскъ *Его Султанскаго Высочества*. Продолжайте, господа! вооружайте сіи варварскія полчища, которымъ недостаетъ только Европейской Тактики,

чтобь возобновить древнія нашествія, и опустошить Свѣтъ; вы, можетъ статься, будете отвѣчать, что, по вашему мнѣнію, или по крайней мѣрѣ по тому, которое вы разглашаете, владычество Россіи столь же опасно, какъ и Турецкое. Приглашаю васъ посмотрѣть, какимъ образомъ управляются несчастная Греція, Булгарія, Валахія и проч., гдѣ воля Султана и его Пашей замѣняетъ законы, гдѣ фанатизмъ, презрѣніе Христіанства довершаютъ остальное. Сравните сіи области съ Финляндіею, Бессарабіею, Польшею и проч. — вы увидите, на чьей сторонѣ выгоды. Проступки, въ которыхъ Г. Манье обвиняетъ нѣкоторыхъ офицеровъ и солдатъ Русскихъ, ничего не доказываютъ, кромѣ горестныхъ исключеній, встрѣчающихся во всѣхъ странахъ. Если бы тѣ, кои потерпѣли отъ суровости и хищности нѣсколькихъ Русскихъ солдатъ, принесли жалобу, то были бы удовлетворены, между тѣмъ какъ въ Турціи воля сильнаго, причуды вельможъ, замѣняютъ законы.

Но сравненіе сіе неумѣстно и не относится къ умствованію, которое мы опровергаемъ: Россія не намѣрена дѣлать завоеваній. Правда, она желаетъ ослабить сосѣда; но сей сосѣдъ, благодаря вар-

варскому состоянію, въ которомъ коснѣетъ, не такъ еще опасенъ, какъ иные думаютъ. Впрочемъ, при помощи образованныхъ Державъ, онъ скоро прійдетъ въ состояніе обратить на своихъ союзниковъ оружіе, которое въ рукахъ его можетъ содѣлаться столь же опаснымъ, какъ и въ рукахъ ребенка.

Г. Манье совершенно правъ, говоря что не довольно было 85 т. человѣкъ для начатія подобной войны (*); легко можно убѣдиться въ томъ, взглянувъ на карту: необъятное пространство земли, ко-

---

(*) Свѣдѣнія, почерпнутыя мною изъ достовѣрныхъ источниковъ, представляютъ намъ о силахъ Россійской арміи слѣдующее:

Въ Апрѣлѣ въ арміи были:

	человѣкъ	
3-й Корпусъ	47,300	105,100.
6-й — —	25,700	
7-й — —	26,100	
Разнаго войска	6,000	

Въ Іюнѣ, при переправѣ чрезъ Дунай: 88,200.

Въ Іюлѣ, по прибытіи подъ Шумлу, было:

Въ Валахіи	11,770	73,690.
Подъ Силистріею	10,100	
Между Дунаемъ и Варною . .	10,820	
Подъ Шумлою	41,000	

Въ концѣ Августа прибыла Гвардія	20,950	Она пришла подъ Варну 27 Августа.

торое должно было занять, крѣпости, ущелія горъ, укрѣпленные лагери и проч. все сіе требовало силъ, по крайней мѣрѣ вдвое болѣе; но какъ препятствія сему были объяснены Г-ну Манье Русскимъ офицеромъ, то и ему надлежало бы также посовѣтоваться съ картою, дабы расчитать время, какое потребно было Гвардіи и Корпусу Князя Щербатова, чтобъ дойти до мѣста своего назначенія.

Въ концѣ Сентября Корпусъ Князя Щербатова	32,850	5-я дивизія прибыла къ Журжѣ 24 Сент.

Прочіи дивизіи пришли подъ Силистрію 12-го Сентября.

Состояніе арміи въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ:

3-й Корпусъ, Генерала Рудзевича.

Пѣхоты 48 батальоновъ . . .	38,400	50,500.
Регулярной кавалеріи 32 эскадрона	4,800	
Казаковъ 7 полковъ	3,500	
Артиллеріи 19 ротъ, 228 орудій	3,800	

Примѣч. Слѣдуетъ исключить 3,200 ч. пѣхоты, составляющихъ 3-ю бригаду 7-й дивизіи, находившихся подъ Анапою и присоединившихся только подъ Варною.

6-й Корпусъ, Генерала Роша.

Пѣхоты 24 бат.	19,200	25,700.
Регулярной конницы 16 эск. .	2,400	
Казаковъ 5 пол.	2,500	
Артиллеріи 8 ротъ, 96 орудій	1,900	

Варну взяли предпочтительно противъ Силистріи потому, что занятіе оной гораздо важнѣе, по удобству доставлять съѣстные припасы и снаряды Чернымъ моремъ. Силистрія, дѣйствительно, по признанію самого Русскаго офицера, долженствовала быть взята; но препятствія, о которыхъ онъ говоритъ, и наступившая преждевременно суровая погода уничтожили всѣ расчеты. Г. Манье, кажется, не вѣритъ симъ причинамъ; но это еще не есть доказательство, а только сомнѣніе, *предположеніе*.

Примѣч. Генералъ Ротъ при переправѣ чрезъ Дунай у Гирсова, оставилъ въ Валахіи половину пѣхоты и большую часть казаковъ, что составило Корпусъ Графа Ланжерона. Къ тому присовокупили:

1-ую драгунскую дивизію изъ 16 эск.	2400	2,800.
Артиллеріи 2 роты, 24 орудія .	400	

7-й Корпусъ Генерала Воинова, а потомъ Принца Евгенія Виртембергскаго.

Пѣхоты 24 бат.	19,200	26,100.
Регулярной кавалеріи 24 эск. .	3,800	
Казаковъ 3 полка	1,500	
Артиллеріи 8 ротъ, 96 орудій	1,600	
Сверхъ того, осадной артиллеріи 48 орудій	1,200	3,200.
Піонеровъ, саперовъ и проч. . .	2,000	

И того 108,300.

Изъ оныхъ въ Азіи подъ Анапою 3,200

Оставалось 105,100.

Сочинитель *отвѣта* наставляетъ насъ, что войну начинаютъ собравъ всѣ силы, а когда ему говорятъ, что политическія причины могли препятствовать пріуготовленіямъ, то онъ не хочетъ принять въ уваженіе ни одной изъ сихъ *причинъ*. Можно было бы подумать, слѣдуя его доводамъ, что дѣло идетъ объ игрѣ въ шахматы, а не о жестокой игрѣ военной.

Всего 96 баталіоновъ.
— 88 эскадроновъ.
— 15 полковъ казачьихъ.
— 37 ротъ полевой артиллеріи.
— 4 роты осадной.

Въ Сентябрѣ прибыла Гвардія, составленная изъ:

пѣхоты	16,200	20,950.
регулярной кавалеріи . . .	2,550	
казаковъ	600	
артиллеріи 96 орудій . . .	1600	

И 2-й Корпусъ Князя Щербатова:

пѣхоты	28,800	32,850.
регулярной кавалеріи . .	2,400	
казаковъ		
артиллеріи 88 орудій. . .	1,650	

Изъ сего явствуетъ, что Гвардія пришла не прежде, какъ въ концѣ Августа, а Корпусъ Князя Щербатова въ концѣ Сентября, что, по моему мнѣнію и судя по разстоянію, не могло быть иначе, и превосходно разочтено, ибо всѣ, кои вели войну въ Турціи, знаютъ, что для сего необходимо нужно учредить запасные магазины въ Княжествахъ, чего, до занятія сихъ послѣднихъ, сдѣлать было не возможно, а магазины сами собою не составляются. Всякій согласится, что не благоразумно бъ было употребить военныхъ силъ болѣе, нежели сколько можно было продовольствовать.

Даже самая недостаточность сихъ силъ ясно доказываетъ, что намѣреніе Россійскаго Кабинета было скорѣе заключить честный миръ, нежели итти въ Константинополь, или, какъ утверждаютъ нѣкоторые глубокомысленные политики, посягать на существованіе Оттоманской Имперіи. — Доводы Г-на Манье, (смотри стр. 9) клонящіеся къ тому, чтобъ доказать, что положеніе Генерала Рота было опасное, и что Турки, вышедъ изъ четырехъ крѣпостей, имъ поименованныхъ, могли бы истребить его корпусъ, — оправдываютъ напротивъ расположеніе Россіи, которая употребила только малыя силы, ибо была увѣрена, что можетъ и съ оными противустоять Туркамъ. За то Г. Манье поспѣшаетъ присовокупить: „должно признаться, что Русскіе были болѣе „счастливы, нежели благоразумны." Но согласимся также, что приписывая все счастію, легко охуждать самыя лучшія распоряженія.

Г. Манье воленъ не называть переправы чрезъ Дунай знаменитою; но подробности, имъ самимъ сообщаемыя, утвердятъ читателя въ мнѣніи, что переправа, предпринятая и совершенная съ такимъ мужествомъ и смѣлостію, хотя сколько

нибудь, знаменита: непріятель былъ выгнанъ съ великою потерею, и слѣдствіемъ сего успѣха, по словамъ Сочинителя, *случайнаго и счастливаго*, было взятіе важной крѣпости Исакчи (*). Онъ увѣряетъ, что при переправѣ войскъ при Сатуновѣ можно было перевозить только по одному батальону; изъ офиціяльныхъ же извѣстій видно, что переправились вдругъ полубригада егерей (полкъ), и пѣхотные полки Алексопольскій и Кременчугскій, всего три полка, подкрѣпляемые батареею въ 25 орудій.

Далѣе Г. Манье разсуждаетъ о сдачѣ Гирсова, Мачина, Тулчи и Кюстенджи; но, какъ онъ опять представляетъ однѣ догадки: „*если бъ* Турки лучше разочли, *если бъ* Турки защищались, и проч." — то я умолчу о сихъ пустыхъ толкованіяхъ, потому болѣе, что погрѣшности были на сторонѣ Турокъ, и не нужно защищать Русскихъ, которые въ предначертаніяхъ своихъ совершенно успѣли.

(*) Мнѣ кажется, что сію переправу можно сравнить съ Гунцбургскою и особенно съ Эльхингенскою, гдѣ Маршалъ Ней, переправясь черезъ ту же рѣку, былъ также очень *счастливъ*. А, *если бъ* Эрцгерцогъ Фердинандъ лучше защищался, что бы произошло?..

Мнѣніе Г-на Манье о Шумлѣ не сходствуетъ со свѣдѣніями, почерпаемыми нами изъ разныхъ сочиненій: онъ хочетъ непремѣнно, чтобъ крѣпость сія была взята. Напрасно представляютъ ему, что намѣреніе Россійскихъ полководцевъ было, какъ можно менѣе жертвовать людьми, и что они избѣгали приступовъ. Въ томъ положеніи, въ которомъ они находились приступъ къ Шумлѣ былъ бы еще несообразнѣе, кровопролитіе было бы несравненно болѣе, нежели какъ думаетъ Сочинитель *Отвѣта*, а успѣхъ весьма невѣренъ. Чтобъ взять городъ, содержащій въ себѣ 30 т. жителей и столько же гарнизона, и защищаемый укрѣпленнымъ лагеремъ Гуссейна-Паши, надлежало бы пожертвовать болѣе, нежели восмью тысячами человѣкъ, ибо приступъ къ Базарджику въ 1810 стоилъ Русскимъ почти двухъ тысячъ человѣкъ. Лучшіе Генералы, сражавшіеся въ Турціи, постоянно избѣгали столь опаснаго покушенія. — Въ 1774-мъ году Фельдмаршалъ Графъ Румянцевъ, котораго Великій Фридрихъ ставилъ въ числѣ искуснѣйшихъ полководцевъ своего вѣка, находилъ взятіе Шумлы безполезнымъ. Предвидѣніе его оправдалось: ибо, пославъ отрядъ въ Праводы, онъ пресѣкъ

сообщеніе между Константинополемъ и арміею Великаго Визиря, стоявшею подъ стѣнами сего города, и принудилъ его заключить миръ въ Кучукъ-Кайнарджи. — Въ послѣдствіи Генералы Каменскій и Кутузовъ были того же мнѣнія.

Здѣсь Г. Манье, охуждая Турокъ за неистребленіе нашего отряда подъ Эски-Стамбуломъ, увѣряетъ, ссылаясь на какую-то Нѣмецкую Газету, что они почти всегда одерживали верхъ надъ Русскими; но наши реляціи несогласны съ Германскимъ Журналомъ, и показываютъ намъ, что Верховный Визирь и Омеръ Вріоне понесли великія потери, когда сдѣлали именно то, въ чемъ Французскій офицеръ ихъ упрекаетъ.

Сочинитель съ сожалѣніемъ говоритъ о маломъ числѣ артиллерійскихъ парковъ, у насъ бывшихъ. Правда, что у насъ ихъ было только два; и что мы не спѣшили доставить оные къ Шумлѣ; но все сіе не имѣетъ никакого отношенія къ пораженіямъ, кои будто бы потерпѣли Русскіе: по крайней мѣрѣ они не сдѣлали ошибки, употребивъ при осадѣ Шумлы одни полевыя орудія, ибо Г. Манье полагаетъ ихъ достаточными для взятія сей крѣпо-

сти, называемой имъ *плохими земляными укрѣпленіями.*

Какъ бы то ни было, но сочинители весьма извѣстные и очные свидѣтели увѣряютъ насъ, что сіи *плохія земляныя укрѣпленія* почитаются не безъ основанія весьма важнымъ мѣстомъ въ стратегическомъ отношеніи.

Городъ Шумла имѣетъ въ длину милю (lieue), а въ ширину полмили; въ немъ 5 т. домовъ и 30 т. жителей; величина его и положеніе у подошвы Балкановъ, на землѣ гористой и пересѣкаемой рытвинами, дѣлаютъ осаду весьма трудною; сіе одно мѣсто точно можетъ держаться и почитается важнѣйшимъ внутри Булгаріи: оно по справедливости признается ключемъ Балкановъ. Въ прежнія войны, какъ и въ новѣйшія, Шумла всегда была сборнымъ мѣстомъ Турокъ и, такъ сказать, ихъ Термопилами. Въ сей крѣпости сосредоточиваются главныя дороги на сѣверѣ Балкановъ; она одолжена славою своею столько же естественному своему положенію, сколько и качеству своихъ укрѣпленій, совершенно соотвѣтствующихъ образу защищенія, употребляемому Турками. Укрѣпленія оной состоятъ изъ вала, обложеннаго кирпичемъ, и защищаемаго ка-

менными башнями, гдѣ могутъ помѣщаться 6 человѣкъ въ рядъ, — и валъ окруженъ еще рвомъ. Сей городъ, такимъ образомъ расположенный, находится въ центрѣ укрѣпленнаго, на окружныхъ высотахъ, лагеря: Сіи высоты имѣютъ крутые скаты, усыпанные густымъ и колючимъ кустарникомъ, и пересѣкаются лощинами.

По симъ обстоятельствамъ, весьма благопріятствующимъ образу сраженія Турокъ, и по обширности мѣста, занимаемаго Шумлою, — столь же трудно обложить ее, какъ и осадить. Городъ находится внѣ опасности отъ бомбардированія; въ немъ довольно есть пространства, для помѣщенія всего потребнаго для цѣлой арміи; обработываніе виноградниковъ и садовъ между городомъ и укрѣпленнымъ лагеремъ можетъ даже не прерываться; воды годной для питья изобильно. Внѣшнія укрѣпленія лагеря состоятъ во рвѣ съ флангами весьма короткими и отвѣсными, а все вмѣстѣ составляетъ ломаныя линіи. Правая сторона примыкаетъ къ городу, а лѣвая, имѣющая видъ редута съ открытымъ горжемъ, упирается къ высотѣ съ крутымъ скатомъ. Сей редутъ въ 10 и до 12 пушекъ, по увѣренію Сочинителя *отвѣта*, можетъ быть легко усиливаемъ, что Тур-

ки и дѣлали въ 1810 году, при приближеніи Генерала Каменскаго.

Впереди лѣваго фланга видно нѣсколько замковъ, и между ими и ретраншаментомъ есть утесистая высота, называемая Гроттенбергомъ. Ручей Текіе-бакъ течетъ передъ лагеремъ. Всѣ путешественники единогласно утверждаютъ, что Турки, вѣроятно, сдѣлали значительныя прибавленія, чтобъ сдѣлать Шумлу главною своею позиціею. — 23 Іюня 1810 года Генералъ Графъ Каменскій взялъ Гроттенбергъ, и потомъ прошелъ на дорогу, ведущую въ Константинополь, обойдя правый флангъ Турецкаго лагеря. Генералъ Валентини, въ сочиненіи своемъ о войнѣ Русскихъ съ Турками, описывая то же самое, утверждаетъ, что блокировать Шумлу весьма трудно, и что она совершенно защищена отъ бомбардированія. Что же осталось дѣлать Русской арміи? Отважиться на приступъ, который безъ сомнѣнія былъ бы самымъ кровопролитнымъ въ Исторіи Военной, и въ случаѣ неудачи имѣлъ бы самыя гибельныя послѣдствія.

Г. Манье опорачиваетъ распоряженія, сдѣланныя для осады Варны. Сочинитель замѣчаній, назвавъ ее *оплотомъ Румеліи*, подвергся его насмѣшкамъ. Я совершенно

согласенъ, что надлежало бы отдѣлить болѣе войска; но можетъ быть также ошибались въ дѣйствительной ея крѣпости, какъ и самъ Сочинитель *отвѣта*. Сія *крѣпостца* (bicoque) однако довольно важна. По извѣстіямъ тѣхъ, кои ее видѣли, въ ней считается 4 т. домовъ и 26 т. жителей; она хорошо укрѣплена; цитадель съ высокими башнями на флангахъ, командуетъ ею. Русскія войска дѣлали тщетныя на оную нападенія въ 1810 году, и послѣ того она приведена въ лучшее состояніе, по ея выгодному положенію, въ отношеніи къ снабженію гарнизона припасами.

Сочинитель *замѣчаній* объясняетъ безъ малѣйшаго *хвастовства*, трудности, которыя надлежало преодолѣть, подвергая 7 батальоновъ гвардіи, стоявшихъ на полуденной сторонѣ крѣпости, нападенію Омера Вріоне и Верховнаго Визиря, тѣмъ болѣе, что они не могли быть подкрѣпляемы прочими осадными войсками, отъ которыхъ совершенно были отдѣлены. Сверхъ того, я могу увѣрить, что Сочинитель *отвѣта* ошибается, утверждая, что Варна есть крѣпость безъ внѣшнихъ укрѣпленій: я имѣю неоспоримыя доказательства противнаго; сіи укрѣпленія были даже взяты на другой день по прибытіи Графа Ворон-

цова. Въ официяльномъ извѣстіи $\frac{1}{13}$ Сентября сказано: „Вчера взятъ на правомъ флан„гѣ нашемъ редутъ, который прикрывалъ „часть Турецкаго лагеря, и безпокоилъ на„ши, сообщенія. Продолжавшійся по оному „съ утра огонь былъ прекращенъ около „полудня, и тогда, по данному сигналу „300 отборныхъ солдатъ Симбирскаго пол„ка, подъ предводительствомъ Штабсъ„Капитана Шульженка, бросились на при„ступъ и овладѣли редутомъ.“

Русскій офицеръ не оспориваетъ у Турколюбцевъ, что мы потерпѣли небольшой уронъ отъ разбитія двухъ баталіоновъ гвардіи, которые однако не совершенно были истреблены, какъ говоритъ Г. Манье: ибо возвратившіеся безъ знамени просили дозволенія взять Турецкій редутъ, и были столь сильны, что могли завладѣть тремя непріятельскими пушками въ вознагражденіе за потерянное свое знамя. За сими разсужденіями и толками о *хвастливости* Сочинителя *замѣчаній*, слѣдуютъ тѣ же доказательства, столь обыкновенныя у Г. Манье, и подкрѣпленныя признаніемъ сдѣланной Турками ошибки, т: е: „*если бъ* Турки напали“ и пр. Говоря выше о Гуссейнъ-Пашѣ, и превознося его отличную храбрость, онъ присовокупилъ: „если бъ онъ

былъ предпріимчивѣе;" потомъ: „его можно упрекнуть только въ томъ, что онъ былъ не довольно рѣшителенъ (assez osé!)" Я не имѣю подробныхъ свѣдѣній о сраженіи 18 Сентября; но если судить по словамъ Русскаго офицера, то причиною неудачи сего сраженія была чрезмѣрная и неумѣстная храбрость одной бригады. Такого рода погрѣшности всегда требуютъ снисхожденія отъ истинно храбрыхъ людей. Варна, столь слабая, по словамъ Г. Манье, не могла быть покорена по его же словамъ иначе, какъ измѣною. Вотъ странное противорѣчіе! Мы находимъ въ Журналахъ слѣдующее извѣстіе о сдачѣ сей крѣпости: „Было предположено войти чрезъ готовый уже проломъ въ ближайшій къ морю сѣверный бастіонъ и поставить въ немъ батарею. Для сего назначено было 110 отборныхъ егерей и матросовъ и въ подкрѣпленіе имъ дана рота 13 Егерскаго и 2 роты Измайловскаго полка и 150 рабочихъ съ турами. 25 Сентября за часъ до разсвѣта, отборные егери и матросы вошли въ проломъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла; защищавшіе оный Турки положены всѣ на мѣстѣ. Не встрѣчая нигдѣ сильнаго сопротивленія, отважные сіи воины увле-

„клись своимъ жаромъ, и не помышляя о „предположенномъ въ бастіонѣ ложементѣ, пустились далѣе въ самый городъ „и дошли до средины онаго. Не смотря „на сей нечаянный успѣхъ, для избѣжанія „напраснаго кровопролитія, имъ дано рѣшительное приказаніе отступить, что „они и исполнили въ совершенномъ порядкѣ, уводя съ собою множество приставшихъ къ нимъ Христіанскихъ женъ и дѣтей. Найденныя въ бастіонѣ 14 орудій, „по невозможности ихъ увезти, были заклепаны, и одно изъ нихъ сброшено въ „ровъ. Сіе дѣло послужило Туркамъ удостовѣреніемъ, что нѣтъ уже для нихъ безопасности въ стѣнахъ Варны, и они открыли переговоры по приказанію Капитана Паши.“ Юсуфъ-Паша находился уже въ Русскомъ лагерѣ, когда Капитанъ-Паша прислалъ ему сказать, что онъ не желаетъ вести переговоровъ. Юсуфъ отвѣчалъ, что уже было поздно, и что Турокъ не можетъ нарушить даннаго имъ слова. Изъ послѣднихъ извѣстій видно, что самъ Султанъ совсѣмъ иначе мыслитъ о Юсуфъ-Пашѣ, и что сей послѣдній находится въ перепискѣ съ Махмудомъ, — а Издателей Журналовъ, кои сообщаютъ намъ сіи из-

вѣстія, не льзя укорять въ пристрастіи къ Россіи.

Г. Манье продолжаетъ такимъ же образомъ: „Сочинитель говоритъ намъ о знаменитыхъ сраженіяхъ подъ Силистріею; они весьма были не знамениты, ибо наконецъ принуждены были снять осаду." Вотъ превосходная логика! Слѣдовательно сраженіе при Пирамидахъ было весьма незнаменито, потому, что принуждены были снять осаду-Сенъ Жанъ д' Акра! Я не остановлюсь на семъ, ибо причины снятія осады Силистріи достаточно объяснены въ книжкѣ, на которую возражаетъ Г. Манье.

Оборотъ, какой даетъ Г. Манье славному дѣлу Генерала Гейсмара, совершенно сходенъ съ извѣстіями, напечатанными въ частоупоминаемыхъ Нѣмецкихъ газетахъ; но онъ позволитъ мнѣ усомниться въ справедливости оныхъ: ибо я видѣлъ офицера, который служилъ во время сей кампаніи, и который разсказывалъ о семъ дѣлѣ, какъ о превосходномъ военномъ подвигѣ. Къ тому же возможно ли, чтобъ 15 т. Турокъ отправились фуражировать, по близости Русскаго корпуса, *безъ оружія*?

Вотъ, что мнѣ сказывалъ сей офицеръ: „Турки намѣревались выгнать Русскія войска изъ Малой Валахіи, и для того они

сдѣлали всеобщую вылазку изъ крѣпостей Виддина, Журжи и Рущука, и напали на Барона Гейсмара, который дѣйствительно не имѣлъ подъ своимъ начальствомъ болѣе 4 т. Сей Генералъ, построивъ свое войско въ небольшіе каре, по двѣ роты каждый, держался такимъ образомъ цѣлый день; въ ночь же, послѣ сего сопротивленія, онъ напалъ на Турецкій корпусъ, совершенно разбилъ его, взялъ болѣе 500 чел. въ плѣнъ, нѣсколько тысячъ побилъ и отнялъ у нихъ 17 пушекъ. Что бы ни говорилъ Г. Манье, утверждающій, что Генералъ Гейсмаръ былъ разбитъ, но мнѣ кажется, что сопротивляться 24 часа въ десятеро сильнѣйшему непріятелю, и потомъ его опрокинуть, значитъ — не быть побиту, а побѣдить, сражаясь одинъ противъ десяти.

Если кто изъ Русскихъ Генераловъ дѣйствовалъ малыми силами успѣшно, Г. Манье тотчасъ восклицаетъ: „*опять хвастовство и пристрастіе*!“ Всякій согласится, что такого рода критики весьма легки! — Князь Меньшиковъ имѣлъ дѣйствительно весьма мало войска подъ своимъ начальствомъ; гарнизонъ Анапскій состоялъ изъ 3 т. человѣкъ подъ командою Османа Оглу. Г. Манье, кажется, сомнѣвается въ

успѣхахъ Князя при отраженіи Горцевъ; однако достовѣрно то, что сраженія 18 и 28 Мая были подкрѣпляемы многочисленными толпами Черкесовъ и Закубанцевъ; даже начальникъ ихъ Темиръ найденъ мертвымъ на полѣ битвы, когда они были отражены 28 Мая.

Потомъ Г. Манье представляетъ образецъ слога Русскаго офицера, и съ ироніею называетъ оный *прекраснымъ*. Мнѣ, какъ иностранцу, не прилично быть судьею въ дѣлѣ, о которомъ не имѣю права давать мое мнѣніе. Я говорю о красотѣ слога; но въ сочиненіи, истинно военномъ, краснорѣчіе не нужно. Довольно, кажется, и того, чтобъ Сочинитель изъяснялся правильно и ясно. Ссылаюсь въ томъ на соотечественниковъ Г. Манье, чтобъ рѣшить, удовлетворилъ ли самъ онъ симъ условіямъ. Я же нахожу, что мѣсто, приведенное Г-мъ Манье изъ Замѣчаній Русскаго офицера, написано съ жаромъ и приличіемъ, и что оно имѣетъ довольно рѣдкое достоинство — въ нѣсколькихъ строкахъ дать понятіе о блистательныхъ подвигахъ Графа Паскевича-Эриванскаго, подвигахъ, коихъ и самые наши противники до сихъ поръ не оспориваютъ. Повторяю еще, что могу ошибаться въ отношеніи къ слогу; но не

думаю, что нужно быть Академикомъ, дабы видѣть, что книжка Г. Манье никакъ не можетъ служить образцемъ красноречія. Спрашиваю только у каждаго безпристрастнаго читателя, такъ ли пишутъ о предметѣ важномъ? Сей ли слогъ есть слогъ ясный и спокойный, приличный разсужденію о происшествіяхъ высокой важности? — Что значитъ, на стр. 7-й, періодъ испещренный вопросами? — Потомъ на стр. 9-й: „истребить его, сдѣлать то же съ другимъ, и *прощай* Княжества.“ На 17-й стр. опять вопросы и восклицанія, оканчивающіяся сими словами: „это истинно жалко!“ выраженіе, которое Сочинитель употребляетъ пятью строками ниже. Если Г. Манье хотѣлъ показать опытъ искусства писать правильно, то весьма сомнѣваюсь, чтобы онъ въ томъ успѣлъ, или же я въ томъ не знатокъ, что также весьма возможно.

Посмотримъ теперь, что говоритъ Г. Манье о выписанномъ имъ мѣстѣ, котораго слогъ онъ разбираетъ. Дѣло идетъ о Графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ. Самые жестокіе враги Русскихъ, сохранившіе сколько нибудь скромности, не унижаютъ превосходныхъ подвиговъ сего Полководца: ибо когда дѣянія говорятъ, тогда несильны

всѣ ругательства. Какъ прискорбно для насъ, военныхъ, видѣть, что первое нападеніе на него сдѣлано старымъ служивымъ, ибо сочинитель находился въ арміи, которой нельзя было не удивляться, даже сражаясь въ рядахъ противныхъ. Г. Манье ищетъ лавровъ Генерала Паскевича, и находятъ однѣ *деньги*: „Русскіе, по словамъ его, были весьма *счастливы*!" Вотъ и все! Онъ ничего не относитъ къ талантамъ и мужеству; все въ глазахъ его есть дѣйствіе счастія; но мы не имѣемъ счастія — ему нравиться; слѣдовательно нельзя ничего ожидать отъ его правосудія. Удовольствуемся тѣмъ, что завоевали Эривань, вошли въ Тавризъ, и заставили заплатить себѣ 80 м. р. Но Г. Манье идетъ гораздо далѣе: онъ утверждаетъ, что мы были разбиты Персіянами. Кажется, что сіи послѣдніе, за позволеніе насъ побить, отдали намъ двѣ области и 80 м. р. — Къ счастію, они платятъ: иначе, наши хулители стали бы утверждать, что всѣ сіи выгоды доставлены намъ измѣною.

Сначала, читая сіе мѣсто, я думалъ, что Г. Манье шутитъ; но можно ли думать, чтобъ Г. Манье сталъ шутить съ непріятелями! Онъ долженъ бы былъ, изъ человѣколюбія, научить насъ искусству

завоевать двѣ области и въ особенности заставить заплатить себѣ 80 м, р., не сдѣлавъ и тридцати пушечныхъ выстрѣловъ; это бы удивительнымъ образомъ облегчило Военное Искусство и въ особенности искусство обогащаться Но, по несчастію, мы до сего еще не достигли! Война съ Персіею стоила гораздо бо́льшихъ усилій: вспомнимъ сраженія при Елисаветполѣ, при Джеванъ-Буланѣ, въ которомъ Аббасъ-Мирза чудомъ только могъ спастись, ибо его карабинъ былъ взятъ Русскими, а армія разбита. Одно сраженіе 18-го Августа при Эчміадзинѣ продолжалось 9 часовъ, и Персіяне лишились 3 т. ч.; сраженіе при Сардаръ-Абадѣ стоило имъ тысячи человѣкъ; при Нахичеванѣ столько же; не считаемъ частныхъ сшибокъ, кои были весьма многочисленны. Осада Эривани продолжалась 8 дней. Главнокомандующій прибылъ на другой день послѣ осадной артиллеріи, и тотчасъ предпринялъ правильную осаду. Крѣпость сильно была бомбардирована въ теченіе 6 дней, и траншеи были открыты 27 Сентября (ст. ст.): она сдалась 1-го Октября.

Изъ сего видно, что Персіяне защищались упорно, и если сообразить всѣ трудности, кои войска Русскія должны были

преодолѣвать, то нельзя не согласиться, что сіи побѣды не такъ легко доставались, какъ то думаетъ Сочинитель *Отвѣта*. Знойное небо сей страны, недостатокъ въ водѣ и нездоровый климатъ, особливо для чужеземцевъ, были ужасными ихъ помощниками, съ которыми весьма трудно было бороться. Жаръ доходилъ до 43 и 45°; жажда однажды до такой степени была мучительна, что солдаты, достигши одного грязнаго ручья, бросились къ нему, какъ попало, не слушая болѣе голоса своего начальника. Сильная, всеобщая необходимость утолить жажду была причиною безпорядка, который могъ бы имѣть пагубныя слѣдствія.

Быстрота, съ какою Генералъ Паскевичъ дѣйствовалъ потомъ въ Малой Азіи, кажется нашему Критику вещью самою простою: взятіе Карса и въ особенности Ахалциха, кои удивили свѣдущихъ въ Военномъ Искусствѣ людей, и распространили страхъ въ партіи Мусульманской, представлены Г-мъ Манье съ неблаговидной стороны и дѣйствіями вымышленными. Всѣ согласятся, что сей способъ критиковать есть самый превосходный и самый легкій. Что касается до пріобрѣтенныхъ знаменъ, надъ легкостію завоеванія коихъ Г. Манье

забавляется, я не знаю, считалъ ли Русскій офицеръ ротные значки, взятые у непріятеля или настоящія знамена; но неоспоримо то, что существуетъ обыкновеніе отдавать отчетъ во всѣхъ трофеяхъ, отнятыхъ у непріятеля. Мы видѣли недавно, что сынъ Маршала Мезона повергъ къ стопамъ Е. В. Короля Французскаго трофеи такого рода.

За симъ Сочинитель исчисляетъ понесенныя нами потери. Мнѣніе Нѣмецкаго газетчика беретъ верхъ и въ семъ случаѣ надъ официяльными извѣстіями и вѣроятностями. Чтобъ ощутительнѣе доказать сіе, онъ выставляетъ число Генераловъ, которыхъ Русскіе лишились, какъ въ сраженіяхъ, такъ и отъ болѣзней. Какъ будто бы Генералы, умершіе отъ болѣзни, могли входить въ исчисленіе потерь, понесенныхъ арміею! Смерть пожинаетъ ихъ ежедневно во Франціи, въ нѣдрахъ мира, по весьма обыкновенной причинѣ, потому что сей чинъ не пріобрѣтается въ молодыхъ лѣтахъ, и что для достиженія онаго, надобно долго служить, и слѣдовательно испытать много трудовъ. Весьма естественно, что отъ болѣзни умираетъ въ соразмѣрности болѣе Генераловъ, нежели низшихъ чиновъ.

Далѣе Г. Манье дѣлаетъ заключеніе о ничтожности выгодъ, пріобрѣтенныхъ Русскими въ Турціи, потому что, говоритъ онъ, земли сіи разорены. Мы еще не въ Турціи, говоритъ онъ, и приглашаетъ насъ перейти черезъ Балканъ, чтобъ вступить въ сіе Государство, предсказывая намъ самыя ужаснѣйшія несчастія. Потомъ, въ выраженіяхъ, исполненныхъ отличной вѣжливости, онъ описываетъ Русскихъ въ тысячу разъ безчеловѣчнѣе, жестокосердѣе Турокъ; впрочемъ ему *кажется*, что Турки оставили ужасное обыкновеніе рѣзать головы непріятельскимъ плѣнникамъ; — они рѣжутъ теперь имъ только уши. Это весьма любезно съ ихъ стороны, но — со стороны Г. Манье вовсе не любезно и не человѣколюбиво, что ему угодно представлять читателямъ замѣчанія совершенно частныя, въ намѣреніи уязвить цѣлый народъ. Меня обокрали въ Парижѣ, такъ же какъ и многихъ изъ моихъ соотечественниковъ: развѣ сіе можетъ служить достаточною причиной поносить всю Французскую націю, храбрую, великодушную, гостепріимную и умную? Что сказали бы обо мнѣ, если бъ, по возвращеніи моемъ въ Россію, пришло мнѣ на мысль издать сочиненіе въ защиту напримѣръ, Дея Алжир-

скаго, и въ подтвержденіе моихъ доводовъ, наполнить замѣчанія мои частными оскорбленіями, въ намѣреніи очернить тѣмъ характеръ цѣлаго народа? Я, по крайней мѣрѣ ни въ чемъ не могу себя упрекнуть: я служилъ во время войны 1812 года, и не разъ способствовалъ къ облегченію страданій Французскихъ плѣнныхъ; я получилъ изустныя тому доказательства отъ неустрашимыхъ воиновъ, которыхъ, къ удовольствію моему, здѣсь встрѣтилъ; сіи доказательства мнѣ были весьма пріятны, столькоже, какъ и признательность, выраженная ими за хорошіе поступки большей части моихъ соотечественниковъ, употреблявшихъ всѣ возможныя средства къ облегченію участи ихъ во время плѣна; въ случаѣ нужды, я наименую сихъ храбрыхъ и почтенныхъ воиновъ, и всегда предпочту такого рода отвѣтъ взаимнымъ обвиненіямъ, кои такъ легко употреблять въ подобномъ случаѣ, и въ которыхъ, къ несчастію, нѣтъ никогда недостатка: — обвиненія сіи ни къ чему болѣе не служатъ, какъ къ поддержанію вѣчной ненависти между двумя народами.

Похвалы, расточаемыя Г-мъ Манье въ честь Султана и всѣхъ его подданныхъ, (изъ которыхъ, я думаю, ни одинъ не умѣетъ

читать, (1) кажутся мнѣ столь преувеличенными, что я умолчу о нихъ, тѣмъ болѣе, что это есть дѣло вкуса, и я не хотѣлъ бы, чтобы въ семъ отношеніи Французъ учился у Русскаго. Я ничего также не скажу объ остроумномъ обращеніи его къ Русскому офицеру, который, по его мнѣнію, сильно разгнѣванъ, и удовольствуюсь отвѣтомъ: *правду сказать, не за что!* равномѣрно не буду настаивать и на *маловажности* крѣпостей, занятыхъ нами въ Турецкихъ владѣніяхъ, боясь, чтобъ и меня не обвинили въ *хвастовствѣ*; но — могу спросить у каждаго безпристрастнаго человѣка: что доказываютъ сіи строки Г. Манье? „Если бы Русскіе имѣли дѣло съ „Европейскою арміею, то дорого бы за-„платили за сіе *пустое тщеславіе* (sotte glo-„riole). *Если бы* Турки, которыми, какъ „онъ увѣряетъ, стращаютъ людей про-„стыхъ и легковѣрныхъ, знали лучше ве-„сти войну, то они могли бы заставить „трепетать Г. Русскаго офицера.“ Что доказываетъ сіе, какъ не выходку самого же Г. Манье, на которой основываются всѣ его наблюденія: *если бъ* Турки умѣли вести войну, то было бы совсѣмъ не то?

---

(1) Смотри Свадьбу Фигаро, д. V. явл. IV.

Можетъ быть, — вотъ все, что можно отвѣчать на сіе предположеніе. Что же касается до перваго: если бъ Русскіе имѣли дѣло съ Европейскими войсками, то мы будемъ отвѣчать: они конечно иначе бы сражались, и, благодаря Бога, намъ не нужно дѣлать опытовъ въ семъ отношеніи, съ кѣмъ бы то ни было. Они дѣлали сіи опыты безъ трепета, ощущенія впрочемъ чуждаго всякому воину, какъ и всякому честному человѣку. Слѣдовательно, сравненіе Сочинителя не имѣетъ никакого вѣса въ сочиненіи истинно военномъ, и въ которомъ, какъ я по крайней мѣрѣ предполагаю, нѣтъ никакой частной ненависти.

Не имѣя точныхъ свѣдѣній обо всѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ Русскіе были поражаемы, Г. Манье утверждаетъ, что онъ *увѣренъ*, что сіе часто съ нами случалось и подъ Шумлой, и подъ Варной, и подъ Силистріей . . , Кажется, что онъ въ семъ удостовѣрился изъ Нѣмецкихъ Журналовъ. Чтобъ предостеречь впередъ публику въ разсужденіи Нѣмецкихъ извѣстій, — мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, для удостовѣренія, до какой степени можно вѣрить симъ Газетамъ. Въ началѣ кампаніи, во время перехода черезъ Прутъ, они сообщили намъ предлинную реляцію о весьма важ-

номъ дѣлѣ, бывшемъ между непріязненными арміями; всѣ Русскіе были удивлены, увидѣвъ въ оной имена Генераловъ, въ Россіи не существующихъ; они вскорѣ убѣдились, что сіе сраженіе было совершенно вымышленное, и что въ сіе время непріятельскія дѣйствія еще и не начинались. Въ другомъ извѣстіи было сказано, что Русскіе совершенно были разбиты, что у нихъ отнятъ городъ *Вагенбургъ*; по справкѣ оказалось, что одинъ изъ полковъ лишился своихъ ящиковъ. Напрасно искали имени сего города, которымъ называется походный госпиталь и обозъ, слѣдующіе за полкомъ (1). Въ третьемъ утверждали, что Русскіе, побѣжденные въ сраженіи 11 Сентября подъ стѣнами Варны, были совершенно разбиты Турками; что они перешли опять черезъ Дунай, и 13 поутру видѣли спасшихся отъ меча Турецкаго въ Бабадагѣ! Стоитъ только взглянуть на карту, дабы удостовѣриться, что нѣтъ никакой человѣческой возможности перейти столь обширное пространство въ 36 часовъ.

Наконецъ, полагаясь на сіи же Журналы, увѣряли, что Русскіе лишились боль-

---

(1) Отъ Нѣмецкаго слова Wagen — повозка.

шей части своихъ войскъ, всѣхъ лошадей, оружія и багажа во время снятія осады Силистріи; что они зарыли осадную свою артиллерію съ тѣмъ, чтобъ весною ее открыть, и дабы сія хитрость оставалась въ тайнѣ, Русскіе простодушно сообщили оную Издателямъ Нѣмецкихъ Газетъ, въ надеждѣ, безъ сомнѣнія, что Турки сего не узнаютъ. — Всѣ согласятся со мною, что подобныя сказки, могутъ быть занимательны для однихъ дѣтей, и что представлять оныя за истину, значитъ слишкомъ пренебрегать довѣріемъ публики.

Въ заключеніе повторю вмѣстѣ съ моимъ соотечественникомъ: Да ниспошлетъ намъ Богъ еще такую же *неудачную* кампанію, какъ прошлогодняя! — Но насъ увѣряютъ, что Порта начинаетъ чувствовать опасность борьбы съ непріятелемъ столь превосходнымъ, и что переговоры должны открыться: тогда клеветники наши увидятъ, какъ надлежитъ цѣнить обѣщанія Монарха, и сильнаго, и умѣреннаго.

Я не могу умолчать о послѣднемъ выраженіи Г. Манье, потому, что оно искажаетъ намѣренія Русскаго офицера. Сочинитель *Отвѣта* предполагаетъ въ немъ желаніе *устрашить* тѣхъ, кои бы захотѣли говорить правду; онъ объявляетъ ему

свое имя, и утверждаетъ, что и онъ долженъ бы былъ сдѣлать то же. Русскій офицеръ, который, повторяю еще разъ, мнѣ совершенно неизвѣстенъ, оканчиваетъ свою книжку не хвастовствомъ, но предсказываетъ распространителямъ *злословія* стыдъ, ими заслуженный. Слѣдовательно сіи слова не относятся ко Французскому офицеру; клеветники обитаютъ совсѣмъ въ другой сферѣ, въ землѣ менѣе гостепріимной, нежели благородная Франція, которой я не могу не заплатить дани признательности за 6 лѣтъ, пріятно и покойно проведенныхъ мною въ ея нѣдрахъ. Что касается до имени Русскаго офицера, то я думаю, что онъ почелъ ненужнымъ объявлять оное публикѣ, которая никакой не имѣетъ надобности знать, Петръ или Павелъ сочинилъ сію книжку: ей нужно знать истину; сверхъ того ежедневно выходитъ множество сочиненій по бо́льшей части безъименныхъ, и отъ того съ неменьшимъ участіемъ читаютъ оныя, и они не менѣе внушаютъ къ себѣ довѣрія. Я же объявляю свое имя не отъ увѣренности, что былъ весьма полезенъ въ семъ защищаемомъ мною дѣлѣ, а просто, чтобъ не причинить неудовольствія Г-ну Манье, который и безъ

шого имѣетъ довольно причинъ на насъ жаловаться.

Съ Франц. Б. Враскій.

Печатать позволено.

Санктпетербургъ. Іюля 19 дня 1829 года.

Цензоръ П. Гаевскій.

Въ типографіи Н. Греча.
1829 года.

